DOI: 10.17976/jpps/2016.02.05

НЕ ВЫШЛО И НЕ ВЫЙДЕТ? О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ ПРОТИВОРАКЕТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США

А.Г. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра по международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Для связи с автором: arbatov@imemo.ru

Статья поступила в редакцию: 11.01.2016. Принята к публикации: 03.02.2016

Аннотация. Совместная противоракетная оборона означает, что одна сторона ставит спасение жизни миллионов своих граждан в зависимость от политических обязательств и эффективности технических систем ПРО другой стороны. Такая взаимозависимость подразумевает не что иное, как теснейшие союзнические отношения, которые должны охватывать не только сферу ПРО, но и главные направления военной и внешней политики государств. У России и США нет таких отношений и в обозримый период не предвидится. Возможно, раньше многие наивно полагали, что путем технических решений по совмещению тех или иных элементов ПРО удастся обойти эти фундаментальные военно-политические реалии взаимоотношений двух держав. После попыток наладить противоракетное сотрудничество в 2002-2011 гг. стало очевидно, что сама идея была преждевременной, а с точки зрения сегодняшнего дня – просто утопичной. Даже частичное сопряжение отдельных элементов ПРО предполагает согласие относительно истоков, характеристик угроз и их азимутов. США открыто предназначают свою систему против ракет Ирана, Северной Кореи, а негласно, возможно, против Китая. Россия никогда официально не признавала угроз для своей безопасности со стороны этих стран. Что касается систем ПРО, то озабоченность России по поводу программы США можно снять путем согласования мер доверия. Договоренности и коррективы военных программ создали бы стратегические предпосылки для совмещения некоторых элементов, а в дальнейшем – систем ПРО России и США в целом. Однако возрождение проекта противоракетного сотрудничества предполагает гораздо большее. Необходим глубокий пересмотр отношений России с США и их союзниками, что требует существенного изменения внешней политики обеих сторон. Все это выходит далеко за рамки противоракетных отношений Москвы и Вашингтона – при всем их значении и сложности. И, в конечном итоге, это имеет гораздо большую важность для судеб России и всего остального мира.

Ключевые слова: Россия; США; международная безопасность; противоракетная оборона; ПРО; сотрудничество.

В настоящее время даже неспециалистам стало ясно, что проект сотрудничества России и США по созданию совместной системы противоракетной обороны (ПРО) потерпел фиаско. В лучшем случае он откладывается надолго, в худшем – навсегда.

А ведь сравнительно недавно на такое сотрудничество возлагались надежды на высшем официальном уровне Вашингтона и Москвы. Пожалуй, последнее высказывание по этому поводу было сделано министром обороны Сергеем Шойгу в конце 2013 г.: “Мы по-прежнему выступаем за взаимовыгодное сотрудничество в области ПРО... Однако перед тем как начинать общие противоракетные проекты, нам необходимы твердые и надежные юридические

гарантии того, что американская система ПРО не будет использоваться против российских сил ядерного сдерживания[1]". Впрочем, это скорее явилось последним дежурным заявлением, а не практическим предложением. Примерно в то же время, по сообщениям печати, президент Владимир Путин упразднил межведомственную рабочую группу под руководством вице-премьера Дмитрия Рогозина, которая отвечала за переговоры по данному вопросу[2].

Ныне, в условиях сохраняющейся военно-политической напряженности вокруг украинского кризиса и противоречий по сирийской ситуации, если тема ПРО и всплывает, то исключительно в контексте взаимных обвинений в лукавстве, стремлении нарушить стратегическую стабильность словом и делом в части новых вооружений.

Выступая на Валдайском форуме в Сочи в 2015 г., президент Владимир Путин заявил: "Под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена, никакой угрозы со стороны Ирана не было, как мы говорили, и нет. Причина, вроде бы побудившая наших американских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – все продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем попроще – обманывали. Дело не в гипотетической иранской ядерной угрозе, которой и не было никогда. Дело – в попытке разрушить стратегический баланс, изменить соотношение сил в свою пользу таким образом, чтобы не просто доминировать, а иметь возможность диктовать свою волю всем: и своим геополитическим конкурентам, да, думаю, и своим союзникам... Сдерживающий фактор ядерного оружия стал девальвироваться, – подчеркнул Путин. – У некоторых, возможно, даже возникла иллюзия, что в мировом конфликте вновь достижима реальная победа одной из сторон – без необратимых, неприемлемых, как говорят специалисты, последствий для победителя, если победитель вообще будет"[3].

Со своей стороны, руководители США и НАТО обвиняют Россию за "безответственный" курс наращивания ядерных вооружений и угрожающие ядерные декларации. В частности, большой ажиотаж вызвало сообщение президента Путина о том, что в течение 2015 г. Россия примет на вооружение 40 новых стратегических ракет, которые смогут преодолевать любые системы ПРО[4]. В ответ министр обороны США Эштон Картер заявил: "Ядерные вооружения не должны быть предметом небрежной риторики... Это неправильный подход, на мой взгляд, когда лидеры допускают такие высказывания по столь роковой

[1] Литовкин В. Каска для генерального секретаря: Россия и НАТО согласовали проекты и разногласия. – *Независимое военное обозрение*. 01.11.2013. Доступ: http://nvo.ng.ru/nvo/2013-11-01/1_nato.html (проверено 11.02.2016).

[2] *NTI (The Nuclear Threat Initiative)*. URL: www.nti.org/gsn/article/russia.31.10.2013 (проверено 01.11.2013).

[3] Заседание Международного дискуссионного клуба "Валдай". 22.10.2015. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/50548 (проверено 11.02.2016).

[4] *Выступление на церемонии открытия Международного военно-технического форума "Армия-2015"*. 16.06.2015. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49712 (проверено 10.02.2016).

теме, как ядерное оружие"[5]. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, в свою очередь, подчеркнул: "Это совершенно неоправданная риторика на тему ядерной деятельности... она носит крайне дестабилизирующий характер"[6].

С конца 1990-х годов в профессиональных кругах США и России было немало исследований с техническим обоснованием преимуществ сотрудничества двух держав в развитии и использовании систем ПРО. Ныне, задним числом, очевидно, что коренной ошибкой политиков и специалистов того времени был подход к оценке таких преимуществ как к чему-то абстрактному, "висящему в воздухе". Между тем, такая польза может оцениваться только в контексте выполнения задач, которые ставят перед оборонительными системами обе стороны. Именно эти задачи представляют собой политическую и стратегическую почву, на которой строятся технические характеристики систем ПРО, равно как и элементы их возможного взаимодействия. Иными словами, теоретические преимущества противоракетного сотрудничества могут быть реализованы на практике лишь в контексте соответствующей политической и стратегической среды.

К сожалению, сегодня ее не существует. По сравнению с концом 1990-х и 2001-2011 гг., когда идея противоракетного сотрудничества вышла на уровень межгосударственных отношений и переговоров двух держав, нынешние условия для такого взаимодействия неблагоприятны. Возвращение к концепции сотрудничества по ПРО возможно только при условии позитивных изменений этих обстоятельств, что потребовало бы больших политических, дипломатических и военно-технических усилий обеих сторон.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

В России после волнений 2011-2012 гг. и возвращения Владимира Путина в Кремль политический курс был круто изменен с многолетнего "Европейского выбора России" на "Евразийский путь", опору на собственные силы и на экономическое, политическое и военное взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Там имеет место бурный экономический рост и нет нажима на партнеров по вопросам демократии и прав человека, который воспринимается в российской элите как стремление к смене политического режима через идеологические диверсии и "цветные революции".

Курс на дистанцирование от Запада, а затем и противостояние с ним, достиг своего пика в ходе украинского кризиса 2013-2015 гг. США и их союзникам было вменено намерение вновь поставить Россию "на колени", расчленить страну и отнять ее природные ресурсы и территориальные пространства. На фоне массированной пропаганды о военной угрозе со стороны Запада в России началась беспрецедентная с конца 1980-х годов программа технического переоснащения армии и флота стоимостью в 23 трлн руб. по Государственной программе вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020).

Понятно, что в таких условиях проект совместной системы ПРО с США / НАТО, от которых по идее исходила главная военная угроза России, выглядел бы внутри страны совершенно абсурдно.

[5] Carter Laments Putin's "Loose Rhetoric" on Nukes. – *CBS News.* 22.06.2015. URL: http://www.cbsnews.com/news/ash-carter-russia-vladimir-putin-loose-rhetoric-nuclear-missiles-nato/ (accessed 10.02.2016).

[6] Lerman D., Atlas T. *Russia's 'Saber-Rattling' Threatens Stability, U.S. Says.* 25.06.2015 – 11:50 PM MSK (pdated on 26.06.2015 – 1:57 AM MSK).

В Соединенных Штатах приход к власти первого афроамериканского президента с социальным уклоном внутренних реформ и упором внешней политики на действия под эгидой ООН, сдержанность в применении силы и ядерное разоружение вызвал небывалый взрыв правоконсервативной оппозиции. После украинской конфронтации она обрела жесткую антироссийскую направленность и связала президенту руки во внешней и военной политике, включая любые компромиссы по программе ПРО и сотрудничество с Россией в этой области.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

По сути совместная противоракетная оборона означает, что одна сторона ставит спасение жизни миллионов своих граждан в зависимость от политических обязательств и эффективности технических систем ПРО другой стороны. Такая взаимозависимость подразумевает не что иное, как теснейшие союзнические отношения, которые должны охватывать не только сферу ПРО, но и главные направления военной и внешней политики государств. Даже нынешняя американская программа ПРО в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе – это не совместный с союзниками проект, а система США, частично размещенная на территории их союзников и в некоторых элементах переданная им в эксплуатацию.

У России и США нет таких отношений, и в обозримый период не предвидится. Возможно, раньше многие наивно полагали, что путем технических решений по совмещению тех или иных элементов ПРО удастся обойти эти фундаментальные военно-политические реалии взаимоотношений двух держав. После неудачных попыток наладить противоракетное сотрудничество в 2002-2011 гг. стало очевидно, что сама идея была преждевременной, а с точки зрения сегодняшнего дня – просто утопичной.

Например, даже частичное сопряжение отдельных элементов ПРО (не говоря уже об общей системе) предполагает согласие относительно истоков, характеристик угроз и их азимутов. США открыто ориентируют свою систему против ракет Ирана, Северной Кореи, а негласно, возможно, против Китая. Россия никогда официально не признавала угроз для своей безопасности со стороны этих стран. Но Москва неоднократно официально высказывала беспокойство по поводу ракетно-ядерных потенциалов Великобритании, Франции, на которые система ПРО США по понятным причинам не могла быть ориентирована. Исключение составляют лишь Израиль, Индия и Пакистан. Первых двух государств ни РФ, ни США не опасаются, о потенциальной угрозе третьего Россия говорит открыто, а Америка – кулуарно, исходя из конъюнктурных политических резонов.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

В основе военно-стратегических отношений России с США и НАТО лежит взаимное ядерное сдерживание. За два десятилетия после окончания холодной войны ядерные силы сторон были существенно сокращены, а тема ядерного сдерживания вплоть до 2011-2012 гг. была далеко на заднем плане текущих политических отношений. Но она никуда не исчезла и закулисно присутствовала в военно-политических отношениях держав.

После 2012 г. в российской политике акцент на ядерное сдерживание резко вырос как в декларативном, так и в военно-техническом плане. Например,

в своей программной статье перед выборами 2012 г. Владимир Путин подчеркивал: "До тех пор, пока 'порох' стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается 'сухим', никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию"[7]. И далее: "В структуре Вооруженных Сил сохранится роль и значение сил ядерного сдерживания. Во всяком случае, до тех пор, пока у нас не появятся другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения"[8].

В 2012 г. Путин обнародовал программу модернизации стратегических ядерных сил (СЯС), согласно которой до 2020 г. на вооружение должны поступить 400 современных стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования и восемь новых стратегических подводных ракетоносцев. (Кстати, сам факт столь большого публичного внимания главы государства к ядерным вооружениям воспринимается на Западе как политическая угроза. Там эти вопросы, как правило, не поднимаются на уровень выше министров обороны и генералитета.) Сейчас одновременно в разных стадиях разработки, испытаний, производства и развертывания находятся семь типов наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ): "Ярс", "Рубеж", новая жидкостная тяжелая ракета шахтного базирования "Сармат" (на смену МБР "Воевода"), железнодорожная мобильная ракетная система "Баргузин", а также морские ракеты "Синева", "Лайнер" и "Булава". Все эти ядерные средства в первую очередь предназначены против США и их союзников и усовершенствованы в целях повышения живучести и преодоления любой реальной или возможной в перспективе системы ПРО.

В официальной риторике США упор на ядерное сдерживание меньше, но от него тоже не собираются отказываться. Как гласит американская доктрина, "фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров" [Nuclear Posture... 2010: VIII]. После 2020 г. Америка вслед за Россией начнет цикл обновления своей стратегической триады. С начала следующего десятилетия будет развертываться новый бомбардировщик, после 2030 г. – очередное поколение наземных МБР, а затем морская ракетная система на смену подводным лодкам и ракетам "Трайдент". На весь цикл, по предварительным расчетам, придется затратить более 900 млрд долл.

В условиях острых противоречий вокруг Договора РСМД Вашингтон, видимо, потерял интерес к дальнейшим сокращениям стратегических вооружений[9]. Скорее всего, США берут курс на обновление своей стратегической ядерной триады в условиях полной свободы рук после истечения срока Пражского договора СНВ в 2020 г. Главной целью новых систем будет ядерное сдерживание России и Китая с учетом нынешних программ модернизации СЯС.

Понятно, что в таких стратегических условиях создавать совместную систему ПРО нереально даже в отдельных элементах: например, в сопряжении космических (спутники) и наземных (радары) средств предупреждения о ра-

[7] Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России. – *Российская газета*. 20.02.2012. Доступ: http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html (проверено 11.02.2015).

[8] Там же.

[9] *Global Security Newswire. NTI.* URL: http://www.nti.org/gsn/article/us-pessimistic-about-progress-missile-defense-arms-control-russia/?mgs1=1ddbdJhNb4 (accessed 11.02.2016).

кетном нападении (СПРН). Эти системы США и России высоко централизованы, полностью автоматизированы и в преобладающей своей части предназначены засекать ракетные пуски друг друга. Значит, взаимно раскрывать их технические возможности неприемлемо, и обмен информацией должен, как минимум, "фильтроваться". Далее немыслимо, чтобы две державы в автоматическом режиме обменивались сигналами о боевых пусках своих ракет (или ракет союзников и партнеров, например, Великобритании, Франции, Израиля, Китая). Значит, совмещенные элементы СПРН нужно было бы отделить от систем предупреждения в целом и согласовать районы совместного наблюдения, что создало бы политические проблемы (отмеченные выше) и технические трудности. Правда, ничто в принципе не мешает возродить совместный центр обмена данными о ракетных пусках (ЦОД): своего рода общий банк информации, о котором состоялась, но так и не была реализована договоренность от 2000 г. Но даже этот "безобидный" проект в условиях жесткого противостояния двух держав, скорее всего, останется мертворожденным.

Нельзя не вспомнить, что в предыдущем десятилетии была программа сотрудничества по тактической ПРО (ПРО театра военных действий), в рамках которой проводились совместные компьютерные учения России и США / НАТО. Но политические времена были иными и, главное, делу незримо способствовал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Он устранил со стороны России и США все наземные ракеты, которые могли быть объектом перехвата тактических систем ПРО. Поэтому не возникало противоречия между противостоянием наступательных ракет сторон и общностью их противоракетной обороны. Гипотетически, если бы Россия и США ликвидировали свои стратегические баллистические ракеты, то развивать совместную ПРО было бы гораздо проще. Очевидно, однако, что в обозримом будущем этого не предвидится.

Возможно, что при наличии политической воли правительств, если бы Россия на деле последовательно шла по "Европейскому пути" внутреннего развития и определения своего места в окружающем мире – эксперты разработали бы "дорожную карту" поэтапного сопряжения систем ПРО и параллельного отхода от отношений взаимного ядерного сдерживания. Его заменили бы на другую модель стратегических отношений (скажем, как между Британией и Францией). Однако такую модель, несмотря на избыток благозвучной риторики, за последнюю четверть века разработать не удалось. Сохраняющееся состояние взаимного ядерного сдерживания просто старались замалчивать, упирая на немыслимость военного конфликта после окончания холодной войны. А ныне и по прогнозам на будущее две державы движутся не в сторону военно-политического сближения, а прямо в противоположном направлении.

Стратегические отношения: оборонительные системы

В этой стратегической сфере на сегодняшний день ситуация радикально изменилась по сравнению с первым десятилетием нашего века. Во-первых, в отличие от прошлого, теперь в мире есть не одна главная противоракетная программа США, а две – американская и российская, причем последняя развивается в рамках программы воздушно-космической обороны (ВКО). В мае 2011 г. были созданы Войска ВКО на базе Космических войск. Программа разработки и развертывания систем ВКО стала крупнейшим разделом ГПВ-2020,

на которую планируется выделить около 20% ассигнований, т.е. порядка 3.4 трлн рублей.

Естественно, вопрос об участии России в системе США / НАТО уже не стоит – можно говорить лишь о возможности тех или иных элементов совместимости двух систем. Но этому мешают не только стратегические наступательные, но и оборонительные программы и стратегии сторон. В отличие от политических отношений, которые могут измениться достаточно быстро, стратегические отношения имеют огромную инерцию. Программы, которые закладываются сегодня, будут определять их намного дольше 2020 г., если стратегические и технические параметры ПРО не будут существенно изменены на взаимной основе.

Американская ПРО официально создается для защиты от третьих стран ("изгоев"), а не от России. В Москве этому не верят. Правда, большинство уважаемых и независимых специалистов в России и за рубежом полагают, что намеченная система не создаст проблем для российского потенциала ядерного сдерживания (т.е. ракеты смогут преодолеть любую прогнозируемую на 15-20 лет вперед систему ПРО). Однако подозрения России связаны с отказом США обсуждать любые ограничения на будущие количественные, технические характеристики (например, скорость ракет-перехватчиков) и географию развертывания системы – хотя бы на согласованное время и в зависимости от прогнозируемых угроз, со стандартным правом выхода из соглашения в случае "угрозы высшим национальным интересам". Отказ Вашингтона диктуется технической неопределенностью и еще больше – внутриполитическими соображениями, но Кремль эти оправдания отвергает. Действительно, прогнозируемые ракетные программы "стран-изгоев" с ядерным оружием допускают согласование таких ограничений (за исключением Китая, против которого ПРО США и их союзников на Тихом океане официально не предназначена). Противоракетная программа США "с открытым продолжением" – это первое препятствие для совмещения оборонительных систем США и России.

Вторая преграда – российская система ВКО, которая открыто строится против США. Ее совмещение с американской было бы полной стратегической шизофренией. В июне 2013 г., посещая завод по производству зенитных ракет, президент Путин заявил: "Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения"[10]. Ни одна страна мира, кроме США, не способна угрожать устойчивости российских СЯС, и ни одна не имеет средств воздушно-космического нападения (СВКН), хотя сам этот термин весьма противоречив. В упомянутой статье Путин отметил: "Гарантией от нарушения глобального баланса сил может служить либо создание собственной, весьма затратной и пока еще неэффективной системы ПРО, либо, что гораздо результативнее, способность преодолевать любую систему противоракетной обороны и защитить российский ответный потенциал. Именно этой цели и будут служить Стратегические ядерные силы и структуры воздушно-космической обороны"[11].

[10] Владимир Путин: "Россия будет наращивать возможности ВКО". – *Национальная оборона*. № 7, июль 2013. С. 22. Доступ: http://www.oborona.ru/pages/mainpage/archive/ 2013/07/index.shtml (проверено 11.02.2016).

[11] Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России. – *Российская газета*. 20.02.2012. Доступ: http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html (проверено 11.02.2016).

По данной логике, если система ПРО считается "затратной и неэффективной", то это значит, что программа воздушно-космической обороны не предполагает строительства системы для защиты российских городов или объектов СЯС от удара наземных и морских баллистических ракет США в ядерном оснащении. Сейчас в программу ВКО входит только модернизация системы ПРО А-135 под неядерный перехват для прикрытия московского района, т.е. пунктов государственного руководства и военного управления. Раньше именно ядерные баллистические ракеты США считались главной угрозой "ответному потенциалу" СССР / России.

Следовательно, по формуле Путина, теперь главная задача – защита объектов стратегических сил не от ядерных МБР и БРПЛ, а от иных американских высокоточных систем большой дальности. Такие системы условно разделяются на две категории. Во-первых, это развернутые ныне на подводных лодках, крейсерах, эсминцах и бомбардировщиках США крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) и воздушного базирования (КРВБ).

В чисто военном отношении разоружающий удар с использованием таких систем по российским СЯС – крайне сомнительная концепция. Его подготовка займет слишком много времени и будет заметной для другой стороны, что даст ей возможность максимально повысить боеготовность своих войск и сил. Само нападение будет растянуто по времени на много часов или даже дней (в отличие от 20-30 минут с применением ядерных баллистических ракет), что позволит другой стороне нанести ответный ядерный удар уже в ходе нападения.

Тем не менее, если в Москве есть сомнения, что в ответ на удар обычных средств будет применено ядерное оружие, то ВКО может оказаться весьма полезной. При должном информационно-управляющем обеспечении системы типа "Панцирь-С1" и С-400, видимо, могут защитить от крылатых ракет мобильные и стационарные средства ядерного сдерживания (командные пункты, шахтные и мобильные МБР, базы подводных лодок и бомбардировщиков). Во всяком случае, системы ВКО дадут больше времени для принятия решений и внесут значительную неопределенность в предполагаемые планы разоружающих ударов, что само по себе будет укреплять сдерживание.

Во-вторых, в США в разных экспериментальных стадиях идет развитие новых систем в рамках программы "Конвенциональный быстрый глобальный удар" (КБГУ). Они могут быть приняты на вооружение после 2020 г.[12], хотя нынешние сокращения военного бюджета влекут отсрочку этого момента. К таким средствам относятся ракетно-планирующие (или аэробаллистические) системы с гиперзвуковыми аппаратами типа *AHW* (*Advanced Hypersonic Weapon*) [Acton 2013: 33-63], которые могут базироваться на островах Гуам, Диего-Гарсия, кораблях или подводных лодках. Она использует баллистические разгонные ступени и управляемые гиперзвуковые маневрирующие планирующие аппараты. Также планируется морская баллистическая ракета средней дальности (*SLIRBM*) с планирующими головными частями, которая может размещаться на кораблях и подводных лодках. Параллельно и вне рамок программы КБГУ испытывается гиперзвуковая авиационная крылатая ракета Х-51А "Уэйв-Рэйдер".

Как и в случае с ПРО, Вашингтон оправдывает эти системы оружия нуждами борьбы с проблемными режимами (Иран, КНДР) и террористами.

[12] Grossman E.M. Pentagon Readies Competition for "Global-Strike" Weapon. – *Global Security Newswire*. 24.06.2011.

Независимые западные эксперты допускают намерение использовать их в случае вооруженного конфликта с Китаем. Но, как и с противоракетной системой, в России не верят и расценивают будущие американские средства большой дальности в обычном оснащении прежде всего как угрозу своему потенциалу ядерного сдерживания. В ответ и Россия, и Китай развертывают крылатые ракеты большой дальности с обычными боеголовками (типа примененной в октябре 2015 г. против целей в Сирии системы "Калибр") и разрабатывают свои гиперзвуковые ракетно-планирующие и баллистические средства стратегического класса и средней дальности. Видимо, именно такие системы применительно к США имел в виду президент Путин, когда отмечал в упоминавшейся статье: "Все это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей, – подчеркнул он. – Подобные системы вооружений будут сопоставимы по результатам применения с ядерным оружием, но более 'приемлемы' в политическом и военном плане. Таким образом, роль стратегического баланса ядерных сил в сдерживании агрессии и хаоса будет постепенно снижаться"[13].

Впрочем, следует подчеркнуть, по разрушительной мощи обычные средства никогда даже отдаленно не приблизятся к ядерному оружию как в нанесении разоружающего удара по защищенным целям (шахтные пусковые установки, командные бункеры), так и для ударов по промышленным и населенным зонам. Однако беспокойство руководства России по поводу таких проектов можно объяснить в контексте его представлений о ядерном сдерживании и задачах российских СЯС.

Современные стратегические баллистические ракеты с ядерными боеголовками имеют более высокую скорость и меньшее подлетное время, чем разрабатываемые в США системы КБГУ. От нынешних ракет практически невозможно защититься. Зато их траектории предсказуемы, пуск засекается спутниками на первых минутах полета и подтверждается наземными радарами СПРН за 10-15 минут до падения боеголовок. Соответственно, у другой стороны остается возможность ответно-встречного удара (т.е. запуска на основе сигналов СПРН, до подрыва боеголовок противника), на который до сих пор делается главная ставка.

Старт ракетно-планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого они входят в стратосферу и летят с гиперзвуковой скоростью по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории, чем у МБР и БРПЛ, радары СПРН обнаружат их только за 3-4 минуты до подхода, а радары противовоздушной обороны (ПВО) из-за высокой скорости – за три минуты и меньше [Acton 2013: 70, 76, 87]. Ракетно-планирующие системы США на протяжении большей части траектории попадают в "слепую зону" между системами предупреждения ПРО и ПВО. Для своевременного обнаружения и сопровождения средств КБГУ России придется с большими затратами модифицировать как информационно-управляющие системы, так и ракеты-перехватчики. Остается спорным, будет ли достаточна точность попадания этих средств для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты) и смогут ли они уничтожать наземно-мобильные системы. Также не ясно, будут ли эти средства развернуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу российским стратегическим силам сдерживания.

[13] Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России. – *Российская газета*. 20.02.2012. Доступ: http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html (проверено 11.02.2016).

Однако специфика траектории ракетно-планирующих средств может затруднить ответно-встречный удар МБР – или их придется запускать после получения сигнала со спутников без подтверждения нападения наземными радарами. Вообще говоря, концепция ответно-встречного удара по существу вызывает большие сомнения из-за огромной опасности обмена ударами из-за ложной тревоги или ошибки руководства, которому остается несколько минут для принятия рокового решения о применении ядерных сил. Впрочем, это тема отдельного рассмотрения. Ясно, что в сочетании с ракетно-планирующими системами данная концепция еще больше повысит вероятность непреднамеренной ядерной войны. Судя по всему, в рамках программы ВКО для защиты военно-политического руководства России от баллистических ракет и ракетно-планирующих средств в обычном оснащении модернизируется Московская ПРО А-135 под систему неядерного перехвата. А для прикрытия объектов СЯС от гиперзвуковых боевых аппаратов предназначаются зенитные комплексы С-500, которые должны быть интегрированы в единую информационно-управляющую систему с космическими и наземными средствами СПРН.

Таким образом, в настоящее время сотрудничество по системам ПРО, помимо глубоких политических расхождений сторон, абсолютно исключено и ввиду огромной стратегической асимметрии их оборонительных программ, ориентированных на совершенно разные ракетные угрозы (в том числе со стороны России – на отражение американских ударных средств).

В итоге Россия и США (вместе с их союзниками) оказались на пороге нового большого цикла гонки вооружений, как бы Москва ни заверяла в отсутствии намерений в него втягиваться. В отличие от прошлого, эта гонка будет включать не только соревнование держав по наступательным ядерным вооружениям, но и их соперничество по высокоточным системам большой дальности в обычном оснащении, а также конкуренцию неядерных систем ПРО нового поколения одной стороны с передовыми высокоточными наступательными средствами большой дальности другой стороны. Ко всему, в отличие от времен двустороннего соперничества холодной войны, к новой многоканальной гонке вооружений уже подключаются Китай, Индия и ряд других государств, что увеличит угрозу горизонтально-эскалирующего военного конфликта и затруднит соглашения об ограничении вооружений.

Такая гонка вооружений, во-первых, разрушит систему договоров по контролю над вооружениями. Во-вторых, сделает стратегическое столкновение в случае кризиса гораздо более вероятным из-за ложной тревоги или по политическому просчету. Ведь будет размываться прежнее четкое разграничение между ядерными и неядерными вооружениями, системами стратегического класса и ракетами средней и меньшей дальности. В-третьих, это повлечет огромные экономические издержки, что будет тяжело для всех стран, но более всего – для России с учетом ее экономического и политического положения и военно-коалиционного одиночества (ведь в этих делах ей не приходится рассчитывать на помощь партнеров по ОДКБ, СНГ, ШОС и уж тем более БРИКС).

Перспективы сотрудничества

Избежать такого хода событий пока еще возможно. Помимо создания благоприятных политических условий, для обеспечения взаимодействия России и США в сфере ПРО нынешние оборонительные программы обеих сторон

должны быть кардинально изменены. Американская – в сторону большей конечной определенности всех характеристик, а российская – в смысле ориентации на другие угрозы, нежели на защиту от крылатых ракет и будущих систем КБГУ Соединенных Штатов. Также нужно резко снизить уровень противостояния наступательных стратегических средств в ядерном оснащении посредством следующего договора СНВ, мер доверия и контролируемого взаимного понижения степени готовности к запуску, который ныне составляет считанные минуты и создает угрозу непреднамеренного обмена ударами.

Что касается новейших наступательных систем большой дальности в неядерном оснащении, против которых направлена российская ВКО, то и здесь возможны дипломатические решения. Чтобы представлять угрозу разоружающего удара, новые гиперзвуковые неядерные средства США должны быть развернуты в большом количестве (минимум несколько сотен единиц). Согласование дефиниций таких систем и их включение в потолки следующего договора СНВ значительно снизит масштаб их развертывания, поскольку США не захотят "ущемлять" будущую ядерную триаду США после 2020 г. Прецедент есть в новом (Пражском) Договоре СНВ от 2010 г. – стратегические баллистические ракеты ограничены потолками Договора, независимо от класса их боеголовок – ядерного или обычного.

Согласовать меры ограничения применительно к нынешним и будущим крылатым ракетам (в свете их большой численности и локального применения, вроде систем "Калибр") будет гораздо сложнее, но не невозможно. Например, поскольку многоцелевые подводные лодки с КРМБ, в отличие от стратегических ракетоносцев, не находятся на постоянном боевом дежурстве в море, можно было бы согласовать меры уведомления о массовом (внештатном) выходе в море субмарин этого класса (а также ракетных надводных кораблей) с объяснением причин и целей таких действий. Аналогичные меры следовало бы принять применительно к массовому подъему в воздух или перемещению на передовые базы тяжелых бомбардировщиков с неядерными КРВБ. Эти меры доверия сняли бы опасения по поводу угрозы тайной подготовки и внезапного нанесения разоружающего удара с использованием тысяч крылатых ракет в обычном оснащении.

Что касается систем ПРО, то озабоченность России по поводу программы США и их союзников можно снять путем согласования мер доверия. Например, предоставление возможности контролировать испытания позволило бы убедиться, что системы перехватчиков Стандарт-3 не испытываются для перехвата МБР и БРПЛ на разгонном участке, что является главным опасением по поводу их развертывания в Европе и окружающих морях. Также помогло бы согласование количественных, технических и географических критериев, которые отделяли бы стабилизирующую систему против третьих стран от дестабилизирующей ПРО друг против друга (по принципу соглашения о разграничении стратегических и тактических систем ПРО от 1997 г.).

Понятно, что все ограничения и меры доверия могут быть только взаимны, т.е. касаться и американских, и российских наступательных ядерных и обычных систем, а также средств ПРО / ВКО. В случае существенного ограничения новейших американских наступательных неядерных вооружений и согласования параметров ПРО, российская ВКО могла бы быть в значительной мере переориентирована на другие важные и более реалистические задачи:

защиту населения и промышленности от единичных или групповых, ракетных и авиационных, ядерных и неядерных ударов со стороны третьих стран, радикальных режимов или террористов. Причем для этих целей можно с гораздо большей эффективностью использовать технологию тех же систем ВКО, но с иной географией развертывания (вокруг больших городов и критических объектов, типа АЭС, дамб и плотин, нефтеперерабатывающих и химических предприятий и хранилищ и пр.).

Приведенные выше меры способны предотвратить или хотя бы ограничить новый опасный и многоканальный раунд гонки вооружений. Они не требуют радикальных изменений внутренней ситуации и природы отношений России с США и их союзниками. При этом, конечно, необходимо урегулирование украинского кризиса и налаживание неконфликтного взаимодействия в борьбе с исламским военным экстремизмом, снятие экономических санкций и возобновление переговоров по контролю над вооружениями – то есть нечто вроде новой "разрядки напряженности", которая собьет накал нынешней пропагандистской кампании друг против друга в России и на Западе. Такие договоренности и коррективы военных программ создали бы стратегические предпосылки для совмещения некоторых элементов СПРН, а в дальнейшем в целом систем ПРО России и США – для повышения их эффективности в борьбе с общими ракетными угрозами.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что возрождение проекта противоракетного сотрудничества предполагает нечто гораздо большее, и это ясно показал неудачный опыт прошлых десятилетий. Речь идет о возвращении России на "Европейский путь" внутреннего развития, ее экономический подъем на основе прихода инвестиций и высоких технологий Запада (чего не предоставят ни Китай, ни российский оборонный комплекс). Необходим глубокий пересмотр отношений России с США и их союзниками, что требует непредвзятого анализа прежних ошибок и существенного изменения внешней политики обеих сторон. Все это выходит далеко за рамки противоракетных отношений Москвы и Вашингтона – при всем их значении и сложности. Но в конечном итоге это имеет гораздо большую важность для судеб России и всего остального мира.

Acton J. 2013. *Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Nuclear Strike*. Moscow: Carnegie Endowment. 197 p.

Nuclear Posture Review Report. 2010. April 2010. Washington, DC. 49 p.

DOI: 10.17976/jpps/2016.02.05

IT DID NOT WORK AND WILL NOT WORK? ON THE REASONS OF THE FAILURE OF ANTI-MISSILE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED STATES

A.G. Arbatov[1]

[1]*Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ARBATOV Alexei Georgiyevich, Full Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director, Center for International Security, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
Email: arbatov@imemo.ru

Received: 11.01.2016. Accepted: 03.02.2016

Abstract. Joint ballistic missile defense (BMD) means that one party puts saving the lives of millions of its citizens at the mercy of political commitment and the effectiveness of technical systems of the other. Such interdependence implies nothing but close allied relations, which should cover not only the sphere of missile defense, but the key directions of military and foreign policy. Russia and the United States do not have such a relationship, and in the foreseeable future it is unlikely to emerge. Perhaps, in the past, there was a widely accepted and quite naive belief that by the technical solutions for the integration of certain elements of BMD systems it would be possible to circumvent these fundamental military-political realities of the relations between the two powers. After many attempts to establish BMD cooperation in 2002-2011, it became apparent that the whole idea was premature, and from the point of view of today's realities somewhat utopian. Even a partial integration of some elements of the BMD systems implies common understanding of the origins, characteristics of missile attack risks, and their azimuths. The U.S. openly designs its anti-missile system against Iran, North Korea, and, unofficially, perhaps against China. Russia has never officially recognized the threats to its security from these countries. With regard to the BMD systems, Russia's concern about the U.S./NATO program might be alleviated, among other things, by agreeing on confidence-building measures. Such agreements and defense programs adjustments would create preconditions for cooperation in some BMD elements, and later, for the integration of Russia's and the U.S. defense systems as a whole. However, the revival of cooperative anti-missile elements and systems involves much more. It implies a deep revision of relations between Russia and the United States and its allies, which requires significant changes in the foreign and security policies of both parties. All of this goes far beyond relations between Moscow and Washington in the sphere of anti-missile defense – as important and complex as it is. And this problem of higher order, undoubtedly, is much more important for the future of Russia and of the rest of the world.

Keywords: Russia; USA; international security; missile defense; ABM; cooperation.

References

Acton J.M. *Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Nuclear Strike.* Moscow: Carnegie Endowment. 2013. 197 p.

Nuclear Posture Review Report. April 2010. Washington, DC. 2010. 49 p.